

ТЕАТРЫ — как люди, у каждого своя судьба...

Рождение каждого подобно празднику. Но одни появляются, живут и уходят в небытие, не оставив о себе ни заметного следа, ни доброй памяти. Другие, ярко вспыхнув, как новая звезда, возбудив надежды и тревоги, продолжают жить лишь в памяти тех, кого одаривали своим быстротечным искусством. Третьим уготовано длительное существование, но, прежде времени составившихся, они заживаются в полудремоте поперек дороги идущим вслед.

Но есть театры-долгожители, и не по возрасту только, а по крайней надобности тем, с кем они рядом долго живут.

В искусстве они максималисты, но не из тех, которые требуют — не от себя, от других — только шедевров. Шедевры редки, они, как римский телеграф, посылают свет от вершины к вершине, чтобы в долине, где течет обыкновенная жизнь, не прерывалось ее дыхание. Коротка человеческая жизнь, и на долю каждого поколения зрителей приходится не так уж много ярких мгновений искусства. Но именно эти мгновения озаряют горизонт, по ним ведется отсчет зрительской жизни. И жизни театра. Когда же прозоидит век, полтора века, и с вершины, куда поднялось человечество, вдруг окинешь единым взлядом весь путь театра-долгожителя, те яркие вспышки, те счастливые мгновения, что казались

столь редкими и долгождан-ными, волшебнo сливаются в непрерывный поток пламени.

ВОЙДЕМ же в театр, в тот Театр, что прожил полтора века.

Но прежде поклонимся могучей фигуре мудрого человека, по-хозяйски достойно восседающего в кресле, вознесенном на пьедестал у подъезда театра. Он здесь один, великий зодчий отече-

ственного театра — Александр Николаевич Островский, но рядом с ним незримо высятся гении, складывавшие и пестовавшие сценическое искусство России. Кажется, их фигурами опоясано все громадное желтое здание, вытянувшееся вдоль правого крыла Театральной площади Москвы. Это они вывели на сцену Малого театра героев своих бессмертных творений — Фонвизин, Пушкин, Гоголь, Грибоедов, Лермонтов, Лев Толстой, Тургенев, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Леонов, Горький, Тренев, Ромашов, Корнейчук. И рядом с теми, кто писал для театра, — те, которые писали о нем, прославляли его: Белинский, Герцен, Добролюбов, Чернышевский, Луначарский.

Незримо стоят полководцы русской культуры у ее театрального очага, чтобы не распалась связь времени.

В ряду замечательных до-

стижений великой русской культуры видное место по праву и справедливости принадлежит Малому театру.

Он первый в сценическом искусстве раздул из искр, тлевших в предшествующем ему театре, пламя национального, демократического, реалистического искусства. Он утвердил на сцене гоголевскую «натуральную школу», его искусство отражало идеи великих революционе-

ров-демократов. Он заслужил высокую честь именоваться «вторым московским университетом», «властитель дум» многих поколений, их современником в лучшем смысле этого понятия.

Сосредоточив в своей труппе лучшие артистические силы России, он первым создал совершенный ансамбль. Щепкинский реализм — сценическая школа Малого театра. Она оказывала громадное влияние на всю актерскую Россию. Все лучшее, что было в русском провинциальном театре XIX века, училось у Малого театра вниманию к жизни, умению подмечать типическое в действительности и раскрывать в ярких образах социальные и психологические черты характера людей своего времени, училось сочетать простоту и естественность с театральной выразительностью.

МАЛЫЙ ТЕАТР не только приносил удовольствие, но и разжигал мысль, а потому его не просто любили, но и уважали. В нем всегда синтезировалась художественность и философия, и если последняя, возникшая в недрах общественности, шла на сцену для образного воплощения, то воплощенная возвращалась в жизнь на пользу общественного движения. Вот поче-

му Малый театр всегда оставался современным своему зрителю, его реализм обновлялся в соответствии с запросами времени.

В советскую эпоху, открывшую доступ трудящимся к театральному искусству, сблизившую театр с народом, всемерно развиваются те черты творчества Малого театра, которые полностью гармонизировали с задачей театра содержательного, проповедующего, общественного.

С течением времени, с каждой художественной эпохой, выдвигавшей перед театром все более сложные эстетические задачи, вызревая режиссура как самостоятельное искусство, окончательно сформировавшееся в качестве непрерывного и общераспространенного института в советские годы. И теперь за столом режиссера сидит художник, создающий идейно-художественную концепцию спектакля, объеди-

няющий коллектив исполнителей в едином движении к цели — воплотить замысел драматурга, раскрыв его в характерат действующих лиц.

КАК органически согласовывать в театре-долгожителе вековые традиции и современные новаторские поиски, старожилы и новички, время от времени пополняющих труппу, прославленных мастеров

с зеленой молодежью, пришедшей из школы Малого театра?

И если на сцене сегодня — проникновенный лирик и психолог Смоктуновский, то у режиссерского пульта — страстный публицист Равенских, которому дороги не только социальная суть и политический пафос, но и колоритная театральность, интенсиная красочность формы. А в репетиционных залах сейчас такие разные режиссеры, как мастер социальной комедии Ильинский, как Бабочкин, мастерски воспринявший для сцены горьковский пафос с его страстным неприятием фальши старого мира и не менее темпераментным утверждением социальной психологии нового человека советской действительности.

М. ЛЕВИН.

(Перепечатано в сокращении из журнала «Театральная жизнь».)

ВЛАСТИТЕЛЬНЫЕ СВЯЗИ